

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

СМОКОВНИЦА

с т и х и р а з н ы х л е т

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХ

Смоковница

На Галопе агония

так не страшна, вероятно,

Как глубокая скорбь

оттого, что Гепнозь не паша,

Рать свою не послал

в половецкую, когда тот вернулся

В Дам Ступа своего

и оттуда ниоткуда не шел

Выскал в язве великая.

И отменил, что выскал,

но разве того Он телал!

А душа как смоковница,

та, на дороге, за городом

Говорившие метель,

а смов... (Они раньше метели

На ветвях появляются)

Слов нет — бесплодна...

Так и Царство желанное...

Не настало... Не время, наверно...

Что ж... Руки этот ствал

и в слово эти сущия безслов

Грость... Легче будет.

Сергей Стратанович

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

СМОКОВНИЦА

с т и х и р а з н ы х л е т

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХ

С 83
ББК 84. Р7

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-206-7

© С. Стратановский, 2010

I

БИБЛЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

1

Ящички скорби и радости —
 кукла Его Авраам,
Куклы Его Моисей,
 пророки, цари на Сионе —
И на огромной ладони
 камушком кажется Храм.
Ящички гнева и трепета,
 войн, всеожженных и царств.
Имя Его не узнаешь,
 след от стопы не найдёшь.
Входит Он в мясо как нож.
Жизнь похищает как вор.

2

Вот Он из толщи Ничто —
 огнь невещественный,
Буря в пустыне синайской,
Буря на море —
 конец человека-челна.
Вот Он — вожатый, ведущий
 через тело быка-чугуна.

Словно хворост
 его запылали глаза,
Ветхий образ —
 над грешным народом гроза.

3. Исаак против Авраама

Бог или ангел случайный,
Мимолетающий,
 тогда удержал его руку,
Я не знаю и знать не хочу.

Вряд ли кому интересны
 нынче эти разборки,
Но все ж расскажу по порядку.

Утром проснувшись,
Вышел я из шатра и увидел:
Двое наших рабов,
 двое юношей, купленных нами
На базаре в Салиме,
 топорами халдейскими рубят
Для всесожженья дрова.

Рядом отец Авраам,
 над точильным склонившийся камнем,
Тёмный, как туча на небе,
 точит свой Богонож.

«Разве праздник сегодня, —
 спросил я тогда Авраама. —
Почему ты, отец,
 приказал заготовить дрова?
Точишь нож для чего?
 Неужели Господь захотел
Снова жертвы внеплановой?»

Ничего не ответил отец,
 лишь рабам повелел мне на плечи
Дров вязанку взвалить,
 и пошли мы вдвоём по дороге
В землю Мория.

Шли мы три дня и три ночи,
 и вот наконец перед нами

Гор появилась гряда,
и опять я спросил Авраама:
«Где же тот агнец, отец,
что назначен на кушанье Богу?»
И опять не ответил отец.

Только тогда,
Когда дикой тропой мы взошли на какую-то гору
И дрова разложили,
только тогда я взглянул
Аврааму в глаза
и увидел глаза человека,
Ставшего тигром.

Хищным прыжком
прыгнул он на меня. Я упал
На поленья ничком,
потеряв от удара сознание,
И, очнувшись, увидел,
что вервием жертвенным связан
От коленей до плеч.

То ли ангел случайный,
Мимолетящий, тогда удержал его руку
От прямой уголовщины
Или грозный раздумал Господь,
Чавкая есть мою плоть,
Я не знаю и знать не хочу.

«Мальчик мой долгожданный, —
отец лепетал со слезами, —
Мальчик мой Исаак,
ты спасен от Господних зубов
За моё послушанье,
за хождение моё перед Богом,
И отныне наш род
воссияет в пустотах веков,
И по Божьему слову
та область, где странствуем ныне,
Станет нашей землёй».

Я не ответил.

Я молча по скользкой тропе
Стал спускаться в долину.

4

Кто это был, я не знаю,
мне имя Его не сказали.
Был ли Он Некто, похожий
на меня, на отца и на брата,
Или Ничто бестелесное
приходило в то время на землю...

Был я тогда малолетком.
В Мицраиме, земле потогонной,
Были на стройке рабами
братья мои и отец.
Злобно глумились над нами
фараоновы слуги — прорабы.
Мы ненавидели их.

Помню, в священную ночь
спать ложились в бараке.
Месяц, как жертвенный нож,
тихо сиял над землёй.
Помню как ели ягнёнка,
обжигаясь, давясь от волненья,
И вот тогда, наклонясь:
«Слышишь, — сказал мне отец, —
за бараками нашими, слышишь:
Ходит Господь по земле,
наказуя народ мицраимский,
Первенца в каждой семье
убивая мясницким ножом».

Был я тогда пацанёнком,
и что было дальше — не помню.
Помню лишь где-то в пустыне
наше становье, шатры,

Скот, подышающий с голоду,
ропот усталых, озлобленных...
«Кто Он? — спросил я тогда, —
Для чего Он увел нас оттуда,
Что ему надо от нас?»

5

Я — часовой на стене
крепости иерихонской.
У горизонта, вдали,
вижу я вражеский стан.
Вижу несметное войско
беспощадного Бога номадов.
Знаю, что в городе были
соглядатаи нашей земли.
Знаю, что с ними якшалась
грязная шлюха Раав.
Знаю: падут эти стены
перед воинством ихнего Бога.
Знаю, что буду заколот
в полдень священной резни.

6

В год агрессии нашей
мы истребляли мечами
Жителей этой земли,
данной в наследие нам
Господом нашим...
Ели мы их виноград,
пили воду из ихних колодцев.
Чёрен был облик земли,
но остались в живых её боги,
И вот теперь по ночам
Ходят они среди нас,
безъязыкие, страшные боги,
Ходят и смотрят на нас,
пристально смотрят на нас.

7

В страхе вернули враги,
с золотыми дарами в придачу,
Ящик священный — ковчег,
генератор безмерного гнева.
Бурно народ ликовал,
со слезами молились левиты.
Бегали мы, голодранцы,
по местечку с восторженным криком:
«Бог воротился из плена
в наши селенья, домой!»
Бегали с вестью счастливой
и заспорили вдруг ненароком,
Как в этом ящичке малом
помещается Он, Всемогущий,
Море и землю держащий,
необъятный, как небо над нами.
Спорили мы и решили
этой ночью прокрасться к ковчегу,
Крышку открыть, заглянуть
в обиталище Бога Живого.

Нет, не проспал я тогда,
просто сдрейфил, не вышел из дому.
Мышью в постели дрожал,
обмочился со страху, а утром
Люди нашли у ковчега
трупы подростков, поверженных
Дланью, карающей мир.

8

Вот и вернулись домой
из восточного долгого плена
Мы — потомки Иакова,
богоизбранный, царственный род.
Плакали мы, увидав
в разорении наши жилища,

Наши сады в запустеньи
и в развалинах храм Соломонов.

Был среди нас человек,
называвший себя прозорливцем,
Лидером рода, хранителем
букв и рассказов священных.
Гневно он нас укорял
в отступленьи от норм стародавних,
Звал к искупленью грехов,
вербовал на ударную стройку
Нового дома Господня.

Помню, из первых и я
записался тогда добровольцем,
Вкалывал год словно раб,
а потом за усердье в прорабы
Произведён был пророком,
программистом народного счастья.

Помню то утро, когда
привезли на подводах снабженцы
Кедров ливанских стволы
для закладки в священные стены.
Взяли мы их на ремни,
но сорвался ремень и свалился
Кедр, изувечив меня.

И вот с тех пор я — калека,
попрошайка под стенами храма,
Ввысь устремлённого, в небо,
к Господу наших молитв.
Клянчу на хлеб каждодневный
и пытаюсь понять безуспешно,
В чём согрешил я тогда
и за что был ушиблен всевышним,
Чем не потрафил Ему?

9

«Гроном Господь поразит
всех мочащихся ночью в постели» —
Так говорил мне наставник,
буквоучитель заслуженный
Школы служек при храме.
И счастливые мальчики —
львята законов синайских —
Мазали грязью меня
за моё непотребство ночное,
Били, плевали в лицо
и гогоча говорили:
«Выродок ты,
сын моавитянки, полукровка».

О, как я плакал тогда,
как молил Всемогущего Бога
Жизнь у меня отобрать,
тихую смерть подарить.
Горько я плакал тогда,
и явился ко мне утешитель —
Ангел железный с небес.

«Мальчик, — сказал Он, — не плачь,
не ропщи и не жалуйся больше.
Будет награда тебе,
Божий дар за недетское горе.
Станешь великим пророком,
провозвестником жизни грядущей.
Будешь прославлен как царь
у народа надменных потомков
Авраама, раба моего.

Ну, а пока что хлебай
с каждодневной похлёбкой обиду,
Боль и побои терпи,
ведь ничто не даётся задаром.
Горе тебе не за грех,
горе — за будущий дар».

Бог говорил Иóву:

«Слишком тебя я берёг.

И от напастей берёг,

И от туманных дорог,

Где без лица и ног

Шляется лишь Ничто.

И вот задул из пустыни

ветер скорби великой,

И время настало узнать,

Кто ты есть перед Богом».

ПРОРОК ИОНА

1

Лучше б мне не родиться,
 чем быть провозвестником гибели
Окаянного города.
 И зачем обличать злодеянья
Ассирийцев железных,
 если камни и пепел останутся
От хищных их жилищ,
 от дворцов Ниневии-волчицы
В день Господнего гнева.

Лучше в мир не родиться,
 лучше вновь в материнское чрево
В утесенье утробное,
 в ночь живота воротиться.
Лучше так... Но приходится жить
И бежать, чтобы спрятаться
 в городе дальнем, заморском
От себя и от Бога.

2

Не пророком Божьим,
Их грехи обличающим,
 а просто прохожим случайным,
Хищноглазым,
 с веселием в сердце глядящим
С отдалённых холмов
 на последний пожар, на обвал
Ненавистного города.

3

В утесненьи могучем,
 во тьме океана дремучего,
В мерзком чреве китовом
 дар говоренья громóвого
И борения словом
 обретает пророк неуверенный,
Божьих велений бегущий.

НА ПИРУ У МЕССИИ

На пиру у Мессии
 Левиафан на столе.
Чудовище морей,
 могучий змей,
Богом сражённый,
 ангелами служенья
В печи зажаренный...
 И вот он — без движенья.
Уже не существо,
 и на куски его
Рвут гости званье...

Хищника моря,
 им же самим сотворённого,
Выдаст Бог человеку.

СОМНЕНИЯ ВОЛХВА

Е. Пудовкиной

Нет, ни за что не поеду
и рассказням вашим не верю.
Что за младенец грядущий?
Стар я уже и устал.
Трудно без помощи слуг
нынче мне сесть на верблюда.
Знаю: в гостиницах грязь,
на дорогах — разбойники, воры.
Нет, не поеду, увольте.
Впрочем, в каком это месте?
Ах, в Вифлееме. Не слышал.
То-то, должно быть, клоповник
и глухомань...
Не поеду.
Впрочем, звезда, говорите,
новая вдруг появилась...
На небосклоне горит...
Может быть, знаменье вправду?
Может, слухи не так уж нелепы?
Может, поехать?..
Эй, слуги,
Где мой любимый верблюд?!

◇ ◇ ◇

В ночь алмазно-морозную,
в хлеву неприятном, скоты,
Видя свет от звезды,
говорят о Христе новорóжденном,
О спасенье возможном,
о том, что Хозяина нож
Больше в них не вонзится.

И, качая в колыбели,
Тихо-тихо пела Дева,
И от этого напева
Даже волки присмирели.
Догорал свечи огарок,
И волхвы из далёкой земли
Мировому младенцу в подарок
С неба месяц принесли.

В день Рождества — там, на небе,
Праотцев пир и пророков,
Праведных пир за столом заоблачным.
Солнечно, празднично там.

Славят Бога, ликуя,
Соломон, Моисей, Авраам,
А Давид, то танцуя,
то на цитре небесной играя,
Прославляет Творенье...
Радостно всем на пиру,
И только Иов задумался.

В Вифлеем летит душа-ласточка
Сесть на темя вола — поглядеть
На того, кто родился,
 кто в яслях к луне ручкой тянется,
Её мёртвым огнём
 не боясь обжечься.

СТАРЕЦ СИМЕОН КОЛЕБЛЕТСЯ

Он? А может быть, и не Он вовсе.
Знаменья были — я знаю,
И звезда весьма яркая
трём волхвам освещала дорогу,
Так что Он, вероятно,
и теперь я могу мир покинуть
Со спокойствием в сердце.

Были дни Хасмонеев,
были волненья народные,
Слишком много я видел —
устали глаза от гляденья.
Слишком много я слышал —
насытился слух шумом суетным.
И устал я от жизни,
и готов умереть, но не знаю,
Он ли слава Израиля, народа Спаситель, Мессия,
Или ждать нам другого?

РАССКАЗ АПОСТОЛА

И что Он не Мессия,
и Отец не поможет Небесный,
Не пошлет сонмы ангелов...

Хлебного чуда день
Отликовал, сгорел.
Пала на горы тень,
Ночь на Его земле.
Местные рыбаки
Радуются, крича:
«Слава Тебе, Сын Давидов,
Завтра, с утренним солнцем,
Словно пшеница отборная
Царство Твоё всколосится».

Он молчал
и, наверно не зная как быть,
Знак нам подал: «Бегите!»

Незаметно отчалив,
мы хмуро гребли к Вифсаиде,
Подозрением мучась,
не бросил ли нас навсегда
Наш учитель невнятный.

СМОКОВНИЦА

На Голгофе агония
 так не страшна, вероятно,
Как глубокая скорбь
 оттого, что Господь не помог,
Рать свою не послал
 в помощь Сыну, когда тот вступал
В Дом Отца своего
 и оттуда ничтожных менял
Выгнал в гневе великом.

И отлично, что выгнал,
 но разве того Он желал!

А душа как смоковница,
 та, на дороге, за городом:
Говорливые листья,
 а смокв... (Они раньше листвы
На ветвях появляются)
 Смокв нет — бесплодна...

Так и Царство желанное...
 Не настало... Не время, наверно...

Что ж... Руби этот ствол
 и в огонь эти сучья без смокв
Брось... Легче будет.

Те кресты на Голгофе
из деревьев неславных, нецарственных,
Кем-то срубленных,
кем-то обструганных.
К делу пытки они
были кем-то из римлян назначены,
Пóтом, кровью и болью
напитались они в час агонии
Тел измученных тех...
И глаза обрели, стали зрячими,
Свет великий увидели.

Светом отчаянья
 можно назвать тот нечаянный
Свет в бесславы, в бессилье,
В унижение и боли
 распятыя голгофского свет.
Также высок он, как тот,
 озаряющий нас с высоты фаворской,
Также велик он,
 но только внезапно, слепящ
И лишь миг существует.

АПОКРИФ ОБ ИУДЕ

Нет, не повесился я,
а искупить попытался
Грех свой чёрный,
измену свою слову новому.
Видит Бог — я не думал,
что Он будет унижен, казнён.
Знает Бог — я не думал
о распятии крестном, а думал:
Будет суд здравомудр
и присудит к изгнанию за бунт
Против отчих законов...
К изгнанию в пустыню всего лишь.

Да, не повесился я,
а бежал далеко, в страны дальние,
Мысль Его проповедовать,
о спасенье грядущем поведать,
О взыскуемом Царстве,
где будет прощён (не оправдан!)
Каин древний
и я, вероятно, наверно...

Но воскресшему Лазарю
 тяжко ходить среди людей.
Не было, мол, ничего,
 смерти не было.
Тела, кожи коснитесь,
 крови коснитесь моей.
Счастье вроде бы, чудо,
 но ведь придётся когда-нибудь
Умереть окончательно.

И этот человек, что стал теперь
Вином несладким, хлебом со слезами,
И этот человек, что стал — живая дверь
В иную жизнь. Неужто рядом с нами
Он некогда ходил у этих тихих вод
По гальке босиком и научал народ,
Слова с трудом, с трудом, как неуч, выбирая.
Неужто он теперь — тропа к деревьям Рая,
И наш духовный хлеб, и в море жизни — чёлн?

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Рациональная разработка
Озаренья внезапного,
 произошедшего в полдень
По дороге в Дамаск,
 когда шёл объявить синагогам
Об опасных сектантах
 и вдруг, поражённый, упал
И увидел свет истинный...

Ну а дальше было:
 шум сирийских, понтийских, египетских
Городов торговых,
 и аппарат понятийный,
Порождённый полемикой,
 и посланья к общинам, и тысячи
Обращённых язычников.

Много всякого было...
 Только вот с Господом нашим
Больше не было встречи.

ПИСЬМО К БРАТУ

Брат мой, брат мой любимый,
я на свободе, а ты в застенке.
Завтра ты будешь казнен
за свидетельство о Распятом
Господе, Спасителе нашем.

Брат мой, брат,
ты меня презираешь, я знаю.
Статую кесаря
я поклонился как Богу,
Жертвой задобрив
его некрещёную глыбу.
Да, покривил я душой,
но ведь эти обряды — проформа.
Все ведь знают,
что Кесарь не Бог.

Брат мой, брат,
оказался я слаб, но послушай:
Всякий ли в силах, как ты,
пострадать за Небесную правду?
Выдержать пытки?
Неужто Господь изваял
Нашу плоть для мучений?

Брат мой, брат мой,
ты в нимбе багряном войдёшь
В область воскресших,
а я, недопущенный, сгину.
Горько и страшно мне, брат,
и вчера от тоски безответной
В горы ушёл я,
чтоб раненой птице подобно
Умереть одиноким.

Долго бродил я в горах
в одиночестве скорбном и вспомнил,
Как в наш город недавно
приходил проповедник лукавый,
Александриец учёный.
С каким говорил он презреньем
О погибших за веру!
«Глупцы, — повторял он, — ослы.
Подражали Христу,
а Христос-то не мучился вовсе.
В призрачном теле
взошёл Он на дерево пытки,
Боль не коснулась Его».

Помню, как ты, задрожав,
закричал: «Уходи, чужеземец,
Еретик кривопутный, слуга сатаны, убирайся!
Хуже язычника ты,
лжеязычней хулителей наших.
Нет тебе места средь нас».

Молча, плечами пожав,
 восвояси ушёл проповедник.
С гневом мы все, христиане,
 заклеймили его криворечье.
Но вот вчера, проходя
В смертной тоске,
 по тропе над обрывом манящим,
Вдруг я подумал:
 а что, если прав чужестранец?
Не страдал наш Спаситель,
 и вся наша вера напрасна.

II

ДИСПУТ

1-й мистик:

Мне Бог сказал, что Он не человек,
А заколоченный ковчег.

2-й мистик:

Мне Бог сказал, что Он могучий газ
И студень из бесцветных глаз.

Математик:

Он — совершенный мозг,
Он — всемогущий лоб.
Из формул мост,
из чисел небоскрёб.

Колхозник:

Неправда! Бог — небесный человек.
Он попросился на ночлег
Ко мне сегодня.

Богослов:

Вот умаление Господне:
Бог стал ничтожен, нищ, убог.
Но даже в рубище Он — Бог.

Хасид:

Бог в повседневности, в миру.
Он гость у бедных на пиру.

Моралист:

Бог в милосердии
и в сборе нужных средств,
Чтоб для несчастных выстроить дворец
Из серебра и хрустала.
Гордиться будет им земля.

Имморалист:

Бог — вне добра. Он — ужас, гибель, гнев.
В морях — Левиафан,
в степях — свирепый лев.

Гуманист:

Что Бог? Он жил, страдал, исчез.
Недолг Божий век.

На лестнице существ
Отныне выше прочих — человек.

Новый мистик:

Да! Человек — Отец,
а Бог — смиренный Сын,
А не творец и скрытый властелин.

Алкоголик:

Я снова горько пьян,
но не судите строго.

Подайте мне баян,
я вам спою про Бога.

Ему дают баян. Он поёт:

Когда лежал я на панели,
Печальный призрак подворотен,
Зарёю крыши заалели,
И я услышал глас Господен.
Господь сказал мне тихо: «Встань,
Иди и пей любую дрянь,
С любыми бабами греши,
Пока алмаз твоей души
В ладони Божьей».

Культуртрегер:

Кто алкоголика ничтожней?
Спасенье в творчестве,
а пьяный — духом нищ.

Он не алмаз, а вредный прыщ
На Божьем теле.

Скептик:

А вы спасенья захотели?
Но не все ли для Бога равно,
Что мы делаем:

пишем, изобретаем,
Сторожим катера
или пьём в подворотне вино

Под названьем гнилуха:
мужское, свирепое зелье.

В нем вязкое солнце и злое веселье.

Новый богослов:

Да, Бог всегда молчит.

Он без ушей и глаз.

Он путнику в ночи

поводыря не даст.

Голодному в ладонь

Он не насыплет крох.

В вещах погас огонь.

Нам не поможет Бог.

Просто верующий:

Но брезжит свет во тьме,

и в этом смысл вещей.

И нищему в корчме

дадут тарелку щей,

И на пути слепой

найдёт поводыря.

Бог рядом. Он с тобой.

Ты сотворён не зря.

1-й мистик:

Мне Бог сказал, что Он не человек,

А для земных существ — ковчег.

2-й мистик:

Мне Бог сказал, что Он — могучий шар

И в недрах вещества — пожар.

Председательствующий:

Увы, нам истина не светит.

Она пугливей, чем испуг.

И, как библейский скорбный ветер,

Спор возвращается на круг.

Бог в повседневности:
в овощебазах, на фабриках,
В сутолке матчей футбольных,
в кружке ларёчного пива,
В скуке, в слезах безысходности,
в письмах обиды любовной,
В недрах библейских дубов,
в дрожи плоти, от страха бескровной.
Смотрит колхозник смиренный
на Его тонкотканый шатёр.
Краски Его растёр
в мастерской остроглазый художник.
Кто Он? Отец многоликий
в многоочитых соборах,
Или младенец, играющий
с утренней, новой звездой?

ПОЕЗДКА К БРАТУ В ПСИХБОЛЬНИЦУ

Было безумие, было безумие, было...
Взгляд безмысленный брата
 сквозь меня, сквозь больничную толщу.
Взгляд через толщу, наскрозь
 через стены, в Ничто нежилое.
Скважина... в разуме гвоздь...
 хрупкий разум гвоздящие звуки...
(Где-то кузнец в звукокузне
 словно гвозди куёт эти звуки:
Скважина... сквозь... и наскрозь.)

Было безмолвие... белая молния... было...
Молния белого, сквозь
 пласт обихода пронзя...
Копие мировое,
 пронзя остриём разуменье.

«Нынче Пасха Господня —
 ты помнишь об этом, мой милый?
Воскресенье Христово —
 ты помнишь об этом? Ты помнишь,
Как ходили к заутрене
 в храм многолюдный, а после
Шли к друзьям православным,
 садились за праздничный стол,
Ели кулич освящённый?
 Неужто не помнишь? Припомни».
Не отвечает... забыл.

Бука... пустой полужверь
 в полосатой больничной одеже.
Что же нам делать теперь,
 и зачем ты обрушился, Боже,
Мощью своей на него?

«Слишком крепко он верил, —
сказал атеист-психиатр, —
Слишком рьяно молился,
в церквях ошиваясь подолгу,
Причащался, постился,
на клиросе пел. Ну, а толку?
Бог ему не помог,
но не боги, а вы виноваты:
Проморгали психоз,
завихренья наитием свыше
Называя облыжно,
и вот результат заблужденья».

«А быть может, он счастлив, —
сказал санитар отделенья, —
Счастлив в мире недужном,
и нашему миру не нужно
Претендовать на него».

Увели пациента.
Окончилось время свиданий.
Я ушёл из больницы.
Дул ветер дурной над Россией.
Где-то пьяный народ
загорланил зазорную песню.
Нынче Пасха Господня —
кто помнит об этом сегодня?
Разве что мусорщик тот,
что в троллейбусе лез целоваться
Троекратно с таким же ханыгой, как сам.

Ветер выл непогожий
в тот день, когда Божьи сыны
К Богу пришли,
и пришёл Отрицающий с ними,
И сказал Отрицающий:
«Знаю раба Твоего,
Скотовладельца счастливого —
не за мзду ли он любит Тебя?»

Испытай его, Боже:
хворобой сгуби его стадо,
Сокруши его рёбра
и вызови язвы на коже.
Только разум не тронь,
ибо что за резон миродержцу
Пререкаться с безумным».

ПРОИСШЕСТВИЕ

Там, где трамваев кольцо,
 поднимается к храму дорога.
Вот он шагает по ней
 среди тучи старух богомольных,
Он, параноик заносчивый,
 возомнивший себя Иисусом,
Новым Мессией, Спасителем
Атомов падших.

Вот он прошёл сквозь кордон
 попрошаек несчастненьких
И вступает наследником властным
В Дом Отца своего.

Там свечей огнехоры
 и с икон — тихоокие взоры
Всех святых и апостолов,
 между нами ходивших когда-то.

Рядом лотки для торговли,
 где торгуют крестами, свечами,
Образками бумажными,
 текстами Вести Благой.

«Дом Отца моего
 Домом слёзной молитвы зовётся,
А не точкой торговой,
 и я, Представитель Небес,
Сын Начальника Жизни,
 я мышцей своей сокрушу
Возмутительный бизнес».

И он опрокинул лотки.

Из рапорта старшего следователя Грибакина:

«23 мая текущего года, в 10 часов утра, гражданин Н, именуемый себя Христосом, войдя во время отправления религиозного культа в строение № 16 по улице Подводника Ильина, являющееся помещением для отправления религиозного культа, совершил ряд действий хулиганского характера, представляющих опасность для окружающих, после чего гражданин Н, именуемый себя Христосом, был задержан работниками органов охраны общественного порядка и был доставлен в ближайший к строению № 16 опорный пункт охраны общественного порядка. После предъявления ему обвинения в злостном нарушении общественного порядка, представляющем опасность для окружающих, гражданин Н, именуемый себя Христосом, был препровожден в следственный изолятор № 6 и помещён в камеру, где содержалась группа лиц, осуждённых за особо опасные уголовные деяния. Во время последовавшей за тем ночи гражданин Н, именуемый себя Христосом, был, по его словам, подвергнут акту насилия со стороны группы лиц, осуждённых за особо опасные уголовные деяния».

«Вновь Ты покинул меня,
как тогда, в Иудейской земле,
Но теперь я молил
не о том, чтобы пытка и смерть
Миновали меня,
я молил, чтобы Ты уберёг
Моё тело от срама,
чтобы Ты эти нары позора
Заменил бы на крест
и на губку у высохших губ,
Губку с уксусом жгущим».

ИСКАЛЕЧЕННЫЙ СОЛДАТ ЧИТАЕТ ЕВАНГЕЛИЕ

Рёбра переломали,
Каждый вечер меня избивая в казарме.
А за что — не сказали.

Запихали в больничку,
и тут невзначай медсестричка
Мне дала эту книжечку.

Хоть и в старой обложке,
а интересная книжка.

Тот, распятый, страдал
Хоть не дольше, но больше,
Чем я от побоев, и знал
(*знал* — заметьте!),
Что не зря он страдает.

Ну, а я-то зазря.
И хоть били меня не до смёрти,
На всю жизнь искалечили.

Ну, а книжка хорошая,
хоть не про нас она писана.

МОНАХ СКАНДАЛИТ С ВРАЧОМ

Как? Умиравшему — укол
Морфия?

Чтоб не стонал, не страдал,
Чтоб без боли из жизни ушёл?

Так, что ли?

Нет, не выйдет без боли!

Проклята, проклята плоть!

В назиданье — страданье,

и мерзко забвеньё счастливое.

Созерцает из бездны

Хозяин болезни, Господь,

Трепыхания Иова.

Смерть во время сеанса
Фильма злостно больного
 под названием «Страсти Христовы».
Смерть от приступа, с криком...
 Прекратили, конечно, показ,
Даже деньги вернули
 за созерцанье страданий,
За вложенье перстов в Его раны.

III

В СТРАХЕ И ТРЕПЕТЕ

1

Нас гладит Бог железным утюгом.
Он любит нас с ожогами на коже.
А мы скулим и жалуемся: «Боже,
Ты был нам братом, сделался врагом».

И как молиться, петь хвалебный гимн,
Когда Его железо нас ломает?
И дивный свет, невидимый другим,
Живую боль не унимает.

2

Как Божий молот нас дробит,
Живые кости сокрушая.
И не исчезнет от молитв
Беда железная, большая.

И верных правде искушая,
К неправым Бог благоволит.

3

Летят болезни из мешка
Судьбы.

И кру́жится над нами
Их невидимая стая.
Кому назначена какая?
Какими клювами, когтями
Вонзится в плоть?
Кого надумает смолоть
В железной мельнице?
И сам Железокур
Кру́жится с ними, ржав и хмур.

4

О, лик случайности — хозяйки кирпичей,
Вниз падающих с крыш

на головы проходим,

Летящих прямо в нас из Божьей пустоты.

Вот собралась толпа. Убит!

Неужто ты?!

Нет. Слава Богу, нет. Лишь на тебя похожий.

Может быть, Бог меня ищет,
атомы боли даруя
Будничным, смиренным вещам
и невидимой дланью ворюя
Атомы леса, земли,
корпускулы жизни цветущей,
Красные атомы мака,
пшеничные — свежего хлеба,
Испечённого ангелом в белой печи деревенской.

С болью наедине,
С Богом наедине
Страшно остаться мне,
Зверю Его охот,
Рыбе Его тенёт.

Словно лёгкое пёрышко
выронит Он меня,
Как пушинку отдаст меня ветру ночному,
И полечу вдоль Невы,
вдоль заводов чугуно-лестейских
В то, последнее море.

И когда я буду скулить от боли,
Мне покажет Кто-то,
 словно наставник в школе,
Носорога и аиста,
 зебру и леопарда,
И шатром покрывающий их баобаб
На картинке покажет
 и скажет, что Правда
В Мощи жизни творящей,
 шумящей, как тот баобаб.
Только что мне до правды,
 если я замордован и слаб
И кукожусь от боли,
 и нет избавленья от горя.

Что-то надо мне найти
в небе,
В ясном поле облаков
лёгких,
Потому что обернулось всё земное
Скукой, неудобом, волчьим воем.
И, наверное, пора спастись бегством
К существам небесным
от земной юдоли.

Я не знаю, что со мной такое,
Вероятно, сублимация по Фрейдю,
А скорее, просто нехотенье
Посмотреть в глаза Волчице-Жизни.

Из душевного тела
 во внешнее, в кожу одетое,
В кровь его, в мясо,
 в позвоночник его и кишечник
Боль перешла и терзает.

Только Незримый и знает,
Отчего и зачем эта боль...
Что она? Знак? Наказанье?
 Напоминая о вечной
Мировой червоточине?

Дождь... дождь...
Слушай, Отец дождя,
Уничтожь эти дни,
что так медленно катятся с крыши,
Капают, капают с крыши,
попадая в лицо и за ворот.
Для чего мы живём?
Ждём чего?
Отчего так ничтожна надежда?
Дождь, бесконечный дождь...
Ты слышишь, Отец дождя?

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

В чёрный день Его скорби,
 когда Он на гору волок
Крест железобетонный,
 задыхаясь в поту, спотыкаясь,
В этот день страстотерпный
 накиряться по-чёрному, в стельку,
Выть от скорби иной,
Непонятной какой-то, дрянной,
Но такой же смертельной.

Утром вместо молитвы:
 Господи, если Ты есть,
Если Ты меня слышишь
 и знаешь, что рабская лесть,
Простирание ниц,
 лбом — в пол церковный,
Унижение себя — не по мне...
 И неужто Тебе нужно это?
Мы — Твои сыновья, Твои дочери,
 в нас — кванты Света
Твоего зарождаются...
 Так помоги и спаси...

◇ ◇ ◇

Не о том ты молишься — не проси,
Чтобы не было горя,
 скорби телесной не было,
А проси, чтобы силу
 невидимый Ангел дал
Эту скорбь пересилить,
 боль выстоять.

DEUS CONSERVAT OMNIA*

Архив заоблачный,
 где Бог — Хозяин наш —
Хранит слова и мысли всех времён,
Он есть.
 Он будет, когда нас не будет,
Как лабиринт устроен он.
Он — кит вместительный,
 и, может, не забудет
Его создатель Бог
 слова речей моих.

* Бог сохраняет всё (*лат.*).

СОДЕРЖАНИЕ

I

Библейские заметки	6
«Бог говорил Иову...»	14
Пророк Иона	15
На пиру у Мессии	17
Сомнения волхва	18
«В ночь алмазно-морозную...»	19
«И, качая в колыбели...»	20
«В день Рождества — там, на небе...»	21
«В Вифлеем летит душа-ласточка...»	22
Старец Симеон колеблется	23
Рассказ апостола	24
Смоковница	25
«Те кресты на Голгофе...»	26
«Светом отчаянья...»	27
Апокриф об Иуде	28
«Но воскресшему Лазарю...»	29
«И этот человек, что стал теперь...»	30
Апостол Павел	31
Письмо к брату	32

II

Диспут	36
«Бог в повседневности...»	39
Поездка к брату в психбольницу	40
Происшествие	43
Искалеченный солдат читает Евангелие	45
Монах скандалит с врачом	46
«Смерть во время сеанса...»	47

III

В страхе и трепете	50
«Может быть, Бог меня ищет...»	52
«С болью наедине...»	53
«Словно лёгкое перышко...»	54
«И когда я буду скулить от боли...»	55
«Что-то надо мне найти...»	56
«Из душевного тела...»	57
«Дождь... дождь...»	58
Страстная пятница	59
«Утром вместо молитвы...»	60
«Не о том ты молишься — не проси...»	61
Deus conservat omnia	62

С 83

Стратановский С.

Смоковница. Стихи разных лет.

— СПб.: «Пушкинский фонд», 2010. — 64 с.

ISBN 978-5-89803-206-7

ББК 84. Р7

Стратановский Сергей Георгиевич

Смоковница

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2010

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД